

КУЛЕВА А. С. ИСТОРИЯ УСЕЧЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. М.; СПб.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2017. – 544 с.

KULEVA A. S. THE HISTORY OF TRUNCATED ADJECTIVES IN THE LANGUAGE OF RUSSIAN POETRY. MOSCOW, ST. PETERSBURG, NESTOR-HISTORY PUBL., 2017. – 544 p.

DOI: 10.31857/S241377150003065-4

Предваряя текст этой книги, академик В.А. Плунон подчеркнул самое главное ее достоинство: «<...> в данной работе есть очень существенная новизна, позволяющая говорить даже об открытии. Открытие это состоит в том, что склоняемые краткие формы русских прилагательных, которые в грамматиках попроще прямо объявлялись несуществующими в современном русском языке, а в грамматиках поподробнее удавались оговорок петитом “кроме отдельных устойчивых сочетаний типа *среди бела дня* и *на босу ногу*”, оказываются прекрасно сохранившимся и активно используемым в современном языке грамматическим явлением – конечно, в определенных типах текстов и с определенным коммуникативным заданием. Любой носитель русского языка уверенно владеет репертуаром таких “усеченных” форм (как они названы в работе) и при необходимости не только понимает тексты, их включающие, но и свободно порождает подобные конструкции. <...> данная работа вносит вклад не только в понимание тонких периферийных механизмов современной русской грамматики, но и в исследование поэтического языка, в очередной раз подтверждая важность поэтических текстов для полного и адекватного описания русского языка».

Усеченные прилагательные для А.С. Кулевой – “это особого рода краткие прилагательные (не только качественные, но и относительные), а также примыкающие к ним формы причастий (в том числе действительных), местоимений-прилагательных, порядковых числительных, которые используются в языке поэзии в атрибутивной функции как в И.-В., так и в некоторых косвенных падежах. По своему строению к этой категории слов могут быть отнесены и особые формы субстантивов (такие как *всяк*, *вселенна*, *подданны* и др.)” [с. 43].

Первая часть книги «История и судьба “усеченных прилагательных”» начинается, на первый взгляд, несколько парадоксально – с демонстрации результата анализа языка интернет-общения: усеченные прилагательные встречаются в блогах и форумах (*слопались импортны игрушки*, *гневы филиппики* ...), а сам термин (хотя “остаётся малопонятным”) – в исследовательских работах, преподавании, общении. Вывод: усеченные прилагательные живы, они “воспринимаются

современным языковым сознанием как актуальная единица, хотя четкое и правильное представление об этом явлении у говорящих, как правило, отсутствует” [с. 15].

Для А.С. Кулевой усеченные прилагательные – “одна из констант языка русской поэзии”, “явление поэтической грамматики”, яркий “лингвопоэтический факт”, автор считает, что «проблему усеченных прилагательных можно назвать одним из ярких “научных мифов” в области поэтического языка» [с. 5–6]. Она пишет: “Являясь по происхождению древними именными прилагательными, усеченные прилагательные могли быть восприняты языком русской поэзии из церковнославянского языка или языка фольклора, но могли и создаваться по известным морфологическим моделям в зависимости от версификационных или стилистических задач, которые решались авторами. <...> важнейшей чертой усеченных прилагательных является их функциональная нагруженность в поэтическом языке” [с. 43].

Рассматривая место усеченных форм в системе имени прилагательного, автор отмечает, что в целом “история прилагательных далека от исчерпывающего описания” и что в сложившейся к XVIII веку, существующей и сейчас системе имени прилагательного место “усеченных прилагательных” не имеет точного определения [с. 19]. Эволюция взглядов на усеченные прилагательные – это “путь от отождествления их с именными прилагательными сначала к оценке усечений как естественных языковых средств, употребляемых преимущественно в поэтической речи, а затем к полному разграничению усеченных и кратких прилагательных и осознанию усеченных прилагательных искусственно созданными формами полных прилагательных, с которыми их объединяет атрибутивное употребление” [с. 39].

С точки зрения Кулевой, “усеченные прилагательные как явление возникли в связи с изменением терминологии” [с. 37], которое обусловлено изменением взглядов на саму систему имени прилагательного. Исследовательница предполагает, что именно это “создало представление о том, что усеченные прилагательные являются исключительно искусственными формами” [с. 40]. Она считает, что термин “усеченные прилагательные” нужно сохранить, “поскольку его употребление опирается на давнюю традицию и указывает на

особенности функционирования усечений в сопоставлении с полными и краткими прилагательными” [с. 43].

Проанализировав функции усеченных прилагательных, состав их форм и способы образования, автор переходит к подробному рассмотрению усеченных прилагательных в языке русской поэзии XVII–XXI веков, основываясь на огромном материале (500 поэтов, более 30 тысяч текстов разных жанров; использовались в том числе данные поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка) и анализе более 15 тысяч примеров. Исследуя эти формы в языке виршевой и силлабической поэзии XVII–XVIII веков, в теории и практике поэтов-реформаторов первой половины XVIII века, автор книги опровергает ряд традиционных представлений об усеченных прилагательных (в частности, об усечениях как искусственном версификационном элементе), а свое исследование их употребления в поэзии XVII–XIX веков подытоживает так: “<...> в поэзии XVII–XVIII веков архаичные, но все еще органичные атрибутивные краткие формы <...> позволяли поэтам решать версификационные задачи. Становясь все более и более нехарактерными для общенационального языка, они закрепились как поэтизм, что привело к резкому сокращению их употребления и возникновению представления об их искусственности. Начиная с середины XIX века усеченные формы были переосмыслены как стилистический маркер и в таком качестве используются до сих пор” [с. 84].

Автор пишет о том, что многие поэты Серебряного века редко используют усеченные формы (так, они редки у И. Бунина, А. Ахматовой, их нет у Н. Гумилева и всего дважды встречаются у О. Мандельштама), но подчеркивает, что роль этих форм в поэтическом языке этого периода “несомненна и многообразна”, а функционирование соотносимо с литературными течениями [с. 86]. В книге анализируется употребление усеченных прилагательных в стихах Иннокентия Анненского, Вячеслава Иванова, Городецкого, Сергея Есенина, Николая Клюева, Велимира Хлебникова, Маяковского, Михаила Кузмина, Марины Цветаевой, Даниила Хармса и делается вывод о том, что “с развитием поэзии усеченные прилагательные начинают выступать в новых функциях”, в частности, как средство исторической стилизации, архаизации текста (примеры – поэзия М. Волошина, Леонида Мартынова, И. Бродского) [с. 105].

В поэзии середины XX века “без таких форм обходятся многие поэты: как продолжатели традиций (Арс. Тарковский, Д. Самойлов), так и сторонники эксперимента” [с. 109], однако “в современной поэзии усеченные прилагательные не просто продолжают использоваться, но и являются характерной чертой идиостиля” [с. 112]. Рассмотрение употребления усеченных форм в стихах Виктора Сосноры, Виктора Кривулина, Марины Степановой, а также Александра Башлачева, Бориса Гребенщикова, Дмитрия Ревякина, Марины Богдано-

вой, Олега Медведева, Сергея Калугина позволяет исследовательнице утверждать: в последнее десятилетие “в современной поэзии усеченные прилагательные выступают как один из языковых элементов, имеющий благодаря своей укорененности в традициях русской поэзии, богатую и неоднозначную стилистическую нагрузку” [с. 117]. В целом же эти формы “образуют в языке русской поэзии особый словарь, который может быть лексикографирован” [с. 146], и “для каждой эпохи характерен свой определенный состав усеченных прилагательных” [с. 148].

В книге затрагивается проблема использования усеченных форм в поэтических переводах, языке прозы, и Кулева полагает перспективным изучение таких форм, например, в переводах Кантемира, пьесах Фонвизина, творчестве Лескова, Максима Горького. Очень интересно проведенное автором исследование употребления усеченных прилагательных в стихотворной строке – оно показало, что “в поэзии XX века использование усеченных форм часто сопутствует поискам ритмического разнообразия” и что их появление характерно для определенных творческих периодов поэта (например, для Блока – это 1907–1910, для Цветаевой – 1916–1919) [с. 127].

Проведя тщательный анализ как языкового материала, так и существующих взглядов на усеченные формы, автор книги не считает, что проблема усеченных прилагательных решена, и пишет, в частности, о том, что изучение кратких атрибутивных форм прилагательных с помощью корпуса, хотя и позволяет получать принципиально новые результаты, затруднено отсутствием их грамматической кодификации: «Для того, чтобы решить проблему, что собой представляют и как функционируют в поэтическом языке усеченные прилагательные, необходимо собрать максимально полный корпус примеров. Вероятно, это станет реальным, когда при поиске в поэтическом подкорпусе к возможности задавать грамматические и семантические признаки добавится поиск по синтаксической функции. Наличие соответствующей разметки в корпусе позволило бы собрать представительный материал, анализ которого позволил бы решить вопрос о роли и грамматическом статусе “усеченных прилагательных”» [с. 141].

Для исследовательницы, как представляется, особенно важен следующий вывод: «Усеченные прилагательные встречаются в языке русской поэзии на протяжении всей ее истории, причем в значительном объеме произведений: из 30 тыс. текстов – около 10%. Таким образом, можно утверждать, что усеченные прилагательные представляют собой яркое явление поэтического языка, заслуживающее внимания и изучения. Собранный материал позволяет пересмотреть многие “научные мифы”, связанные с усеченными прилагательными» [с. 147].

Что касается этой первой (теоретической) части книги, то в аспекте возможного будущего переиздания книги представляется необходимым обратить внимание

автора на ряд моментов. Во-первых, было бы полезно устранить противоречивость следующих практически друг за другом важных формулировок на с. 147: “<...> усеченные прилагательные представляют собой особое явление русской морфологии, отличное от полных и кратких форм прилагательных <...>” [также с. 5]; усеченные прилагательные – “это особого рода краткие прилагательные <...>” [также с. 43]. Во-вторых, именно указанная автором “размытость границ между усеченными и краткими формами” [с. 35], думается, требует нахождения дополнительных критериев их разграничения (кроме указанного в книге основного – по атрибутивности / предикативности), в том числе и критерия семантического (этот же критерий мог бы послужить для разграничения усеченных и полных форм). В-третьих, вызывают вопросы некоторые утверждения автора (например, на с. 14: “<...> нетвердое владение родным языком типично для современного человека <...>” – имеется в виду владение нормой?). Кроме того, очевидная увлеченность предметом исследования иногда приводит автора к стилистическим “помаркам”, например: “В последнее время усеченные прилагательные все чаще мелькают и в школьном образовании” [с. 12]; “Термин **усеченные прилагательные** иногда ошибочно связывается с усечением, т.е. отсечением одного слога как способом образования данных форм” [с. 41]. В первую часть небесполезно было бы внести и некоторые композиционные изменения: так, в главе 2 “Усеченные прилагательные: что это?” стоило бы переставить подглавки, рассказав сначала о способах образования усеченных прилагательных, затем о составе их форм и лишь потом об их функциях.

Вторая часть книги “Четыре века русской поэзии в зеркале одного грамматического элемента: опыт словаря” разворачивает историю употребления усеченных прилагательных в русской поэзии. Словарь (с точки зрения автора, предварительный вариант словаря) включает более 10 тысяч поэтических контекстов (около 2 тысяч лексем) из произведений 500 авторов XVIII–XXI веков (без примеров из виршевой и силлабической поэзии XVII–XVIII веков). Перед словарем приводится список авторов использованных произведений, расска-

зывается о структуре словарной статьи, а в приложении – результаты подробного количественного анализа употребленных форм. Этот словарь дает богатый материал для исследования русского поэтического языка в целом, и, кроме того, его интересно читать. Здесь представляется уместным вспомнить слова Л.Л. Шестаковой [1, с. 18]: “Каждый словарь поэтического языка – это своего рода штучное изделие, в силу того, что, как правило, оригинален материал, лежащий в его основе. Важно при этом, что в совокупности такие словари достаточно надежный инструмент для изучения русской поэзии”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шестакова Л.Л. Поэзия в словарном измерении. М.: Вест-Консалтинг, 2014. 68 с.

REFERENCES

1. Shestakova L.L. Poetry in the Dictionary Measurement. Moscow, West Consulting Publ., 2014. 68 p.

*Н.И. Голубева-Монаткина
Доктор филологических наук,
профессор Высшей школы перевода (факультета)
МГУ им. М. В. Ломоносова,
Россия, 119991, г. Москва, Ленинские горы, МГУ,
дом 1, корп. 51
golmonat@mail.ru*

*Дата поступления материала в редакцию
6 апреля 2018 г.*

*Natalia I. Golubeva-Monatkina
Doctor of Philological Sciences,
Professor at the Higher School of Translation
and Interpretation, Lomonosov Moscow State University,
1-51, MSU, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
golmonat@mail.ru*

Received by Editor on April 6, 2018.